

шеніи доводы автора совершенно неубѣдительны. Къ новымъ философамъ, какъ упомянуто уже выше, г. Гиляровъ относится большею частью отрицательно. Онъ не щадитъ даже Спинозы; о „железной логикѣ“ послѣдняго,—замѣчаетъ онъ,—„могутъ говорить только незнакомые ни со Спинозой, ни съ логикой“ (стр. 83). Въ „Логикѣ“ Гегеля можно искать скорѣе всего, чѣмъ логики и здраваго смысла. Нельзя не подивиться той увѣренности, съ которою Гегель разсчитывалъ на глупость (!) своихъ слушателей и читателей. Для невѣжества имя Гегеля навсегда останется символомъ мудрости; для лицъ знающихъ оно не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ символомъ самоувѣреннаго шарлатанства“ (стр. 86). Подобные отзывы слишкомъ рѣзки для начинающаго русскаго ученаго, собственные воззрѣнія котораго далеко не отличаются логическою ясностью и опредѣленностью. „Если мнѣ нужно держать отвѣтъ,—заключаетъ авторъ свою книжку,—какое убѣжденіе вынесъ я изъ занятій исторіей философіи, я скажу прямо и рѣшительно: не знаю человѣка и философа лучше Сократа, не знаю метафизики выше Платоновой, не знаю нравственнаго ученія лучше и выше евангельскаго“ (стр. 90). Нельзя сказать, чтобы подобная *profession de foi* давала какое-либо положительное представленіе о философскихъ идеяхъ автора.

— И. Тарасовъ. Публичныя лекціи и рѣчи. Ярославль, 1887 г.

Профессоръ Тарасовъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ спеціалистъ по такъ-называемой наукѣ „полицейскаго права“, составленной изъ смѣси различныхъ элементовъ законодательства и управленія. Любимая тема автора—полицейскій арестъ, о которомъ онъ написалъ обширный трактатъ въ трехъ книгахъ и нѣсколько отдѣльныхъ статей. Г. Тарасовъ въ разное время произносилъ и печаталъ лекціи не только по вопросамъ своей спеціальности, но и по предметамъ общаго интереса; эти чтенія собраны имъ теперь во едино, безъ переработки и приведенія ихъ въ систему. Мы находимъ здѣсь статьи и о малолѣтнихъ преступникахъ, и о желѣзно-дорожной политикѣ, и о сельскомъ хозяйствѣ, и объ Иванѣ Посошковѣ, и объ уваженіи къ женщинѣ, и даже о Пушкинѣ и Достоевскомъ. Нѣкоторые интересъ представляютъ только тѣ лекціи и рѣчи, въ которыхъ приводятся фактическія наблюденія, сдѣланныя самимъ авторомъ въ чужихъ краяхъ. Самостоятельныя разсужденія г. Тарасова заключаютъ въ себѣ мало любопытнаго: въ нихъ проглядываетъ теоретическій оптимизмъ, соединенный съ модною практичностью извѣстнаго рода.

Говоря о полицейскомъ арестѣ и о необходимости его въ госу-